

18+

Мария Гарзийо
Italians do it better. Do they?

или Этюд в пастельных тонах

Мария Гарзийо

Italians do it better. Do they?
Или Этюд в пастельных тонах

«Издательские решения»

Гарзийо М. В.

Italians do it better. Do they? Или Этюд в пастельных тонах /
М. В. Гарзийо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505408-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

В глубине души я слагаю обращенную к Алану молитву — пожалуйста, очнись, заметь меня, полюби как раньше, с тем же неиссякаемым пылом, докажи мне, что я еще красива и нужна. Верни меня в наше светлое многообещающее прошлое, и я вмиг забуду Массимо. Скомкаю его красивые портреты и брошу в мусорную корзину. И никогда не вспомню, что однажды, когда ты на мгновение выпустил мою руку, я чуть было не поскользнулась и не угодила в темную бездну соблазна...

ISBN 978-5-00-505408-1

© Гарзийо М. В.
© Издательские решения

Italians do it better. Do they?

Или Этюд в пастельных тонах

Мария Викторовна Гарзийо

© Мария Викторовна Гарзийо, 2019

ISBN 978-5-0050-5408-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Bongiorno. Come stai?

Нарочито итальянское приветствие на французском сайте знакомств. Хочет выделиться, сделать акцент на свою принадлежность к национальности лучших в мире любовников. Впрочем, это тут, во Франции, итальянцем быть почетно. Миф об их выдающихся постельных способностях еще каким-то чудом уцелел, не поддавшись разоблачающим реалиям. А в Латвии, откуда я родом, наследников великой Римской империи уже никто не воспринимает всерьез. Холодным рижанкам давно наскучили однообразные группы секс-поломников, которые наводняют маленькую гордую страну вот уже лет десять в поисках дешевых плотских утех. Этим Луиджи и Стефано не знакома общепринятая мужская традиция угощения понравившейся дамы хотя бы одним, хотя бы недорогим горячительным напитком. Они кучкуются вокруг одиноко цедащих терпкое вино девчат, лыбятся, делают неумелые комплименты на ломаном-переломаном английском. Когда-то давно мои соотечественницы еще покупались на огненные многообещающие взгляды заезжих принцев. Теперь эти зажимистые секс-туристы, давно лишившиеся имиджа занимательной экзотики, мало у кого вызывают энтузиазм. Дамы знают, что такой рыцарь в дырявых доспехах не предложит им ничего, кроме длительного (это, несомненно, плюс, учитывая резвые нравы местных торопыг), томного тело-трения на упругом узком диване дешевенького хостела. При этом на остальных трех кушетках будут демонстративно громко похрапывать менее удачливые Роберто, Марио и Бертольдо. Бывали даже случаи, что итальянские мачо, поподчивав аборигенок своей компанией, смывались, оставив последним в память о себе увесистый счет.

Все эти пестрые картинки с размытыми временем очертаниями мелькают в моей памяти при виде примитивного вопроса на мониторе. Задающая его физиономия в целом очень даже ничего. Проходит мой жесткий кастинг. К тому же, надо учитывать, что я вот уже много лет живу на юге Франции, и очень может быть, что итальянцы здесь водятся совсем другие. Именно такие, о каких слогают мифы. Отвечаю на языке собеседника. Благо, за мою долгую практику интернет знакомств я изучила приветствия почти на всех языках мира.

– Расскажи о себе, – требует потомок изобретателей пиццы.

– Мне 33 года. Переводчик. И я не свободна.

«И что несвободная дама делает на сайте знакомств?» обычно следует логичный вопрос. Мне периодически задает его, выкарабкавшись из зимней спячки, моя толерантная совесть. Несвободной даме уже давно не хватает эмоций. Ей хочется больших пушистых бабочек, выворачивающих наизнанку желудок перед первым свиданием. Хочется мелкой дрожи от первого поцелуя. Взлетов от воспламеняющего взгляда любимого и падений от подозрения в его безразличии. Ей страстно хочется ощутить себя живой, почувствовать себя женщиной каждой клеточкой от напедикюрных пальцев на ногах до крашенного темечка.

Отношения, благодаря которым я сменила дождливую Ригу на солнечную Ривьеру, в самом своем зародыше радовали меня ярким феерверком красок. Я была уверена, что ничего

насыщеннее того густого счастья, которая я испытывала в объятиях моего француза, в мире просто не существует. Я бросила без оглядки неплохую должность и географическую близость своих родных и друзей, чтобы делить с этим единственным и самым важным человеком каждую минуту своего существования. Первые месяцы были одним беспросветным блаженством единения плоти. А потом страсти как-то сами собой стихли. Нам наверно следовало бы взобраться на следующую ступень традиционной пирамидки – пожениться и завести детишек. Но мой Алан даже не заикался о том, чтобы узаконить нашу связь. Его и так все вполне устраивало. А я... А мне было как-то стыдно первой заводить разговор о белом платье, вроде как приходилось навязываться, втюхивать себя как залежалый товар, а торгашеским талантом я никогда не обладала. И наши отношения, не получив должного развития, начали стагнировать. В глубине моей души затаилась, свернувшись колючим комочком, обида. «Не устраивает – уходи» предложила мне кардинальное решение подруга, которая недавно в законном браке произвела на свет третьего младенца. Советовать, как известно, всегда легче, чем следовать своим же рекомендациям. Куда идти из сложившегося удобного и уютного быта? В неизвестность нищенской независимости? Начинать жизнь с нуля в 33 не просто. Особенно, когда за плечами нет ни опыта самостоятельного проживания, ни маломальской работы. Я привыкла паразитировать, расплачиваясь за материальное духовным и плотским. Хотя последнее как-то теперь не очень востребовано. Если не сказать, вообще спроса не имеет. Алан объясняет свое частное отсутствие наиважнейшими делами, которые позволяют нам обоим безбедно существовать, и следовательно, критике подвергнуты быть не могут. А когда я однажды робко указала на простой в интимной сфере, он, хлебнув хорошего красного вина, ответил: «Вообще-то секса я хочу. Но не с тобой». Моя челюсть скатилась куда-то под паркет, и нашла я ее запыленную только тремя днями позже, когда взялась за генеральную уборку. Конечно, подобное откровение резануло по самолюбию. Но немного очухавшись и обдумав сложившуюся ситуацию, я пришла к выводу, что озвученные Аланом ощущения присущи и мне. Когда я рисовала себе в мечтах невообразимые эмоциональные всплески, их воображаемым источником никогда не был мой гражданский муж.

Перейти от фантазий к реальным действиям меня заставило обнаруженное совершенно случайно (хотя ладно, кого я пытаюсь обмануть?) сообщение на телефоне любимого. Ничего криминального, никаких откровений, громогласно изобличающих измену. Просто коротенькое «я скучаю», которое, возможно, незнакомый номер вообще отправил по ошибке. Но мне нужен был предлог. И я, аккуратно скопировав это «скучаю», всучила его своей совести в виде индульгенции.

Реакция итальянца на мое чисто-сердечное признание оказывается весьма оригинальной. – Это все оболочка. Мне интересно, какая ты внутри.

Я невольно вспоминаю диалог из черно-белой классики американского кино. «Господи, но я – мужчина!» «У каждого свои недостатки». Так и моего нового знакомого, похоже, совершенно не интересует моя моногамность. Что он там желает знать? Какая я внутри? Хирург что ли?

– У меня много увлечений. Я режу по дереву, делаю украшения из металла, кладу мозаику, – не дождавшись, что я виртуально вывернусь наизнанку, повествует он, Танцую свинг. Играю в театре. Моя жизнь очень разнообразна.

– А работа?

– Ну, иногда в перерывах и работаю немного. Но работа это не цель. В жизни есть много всего гораздо более интересного.

Безусловно, не просто найти труд занимательнее выкладывания мозаики. Не говоря уже о резьбе по дереву.

– Сейчас я снимаюсь для каталога солнечных очков. Это тоже чисто для удовольствия.

– Я рассказы пишу. И романы, – мое скудное хобби выглядит блекло и невпечатляюще в сравнении с небоскребом талантов симпатичного итальянца. Даже как-то и говорить о нем стыдно.

Я вообще на минуту поражаюсь пустоте и бездарности своего земного прозябания. Надо срочно записаться на лепку из глины.

– Романы это интересно. Мы с тобой могли бы сочинить вместе очень интересную историю, – комментирует тем временем Массимо (именно так родители нарекли этого умельца), посылая мне виртуальный поцелуй.

– Возможно, – печатают мои пальцы-предатели, не дав совести права голоса.

Я впиваюсь взглядом в дигитальный снимок итальянца. Его анфас представляет собой удачную помесь Рики Мартина и Тома Круза. «Очень даже возможно» пробегает по телу стайка мурашек.

Массимо настаивает на личной встрече, дав понять, что под его окнами прозябает толпа соискательниц его внимания, и если я буду тянуть время, ему придется впустить парочку самых активных внутрь своей холостяцкой берлоги. Я мямлю, что не готова вот так сломя голову ринуться в кратер порока. Мне требуется узнать потенциального любовника получше, я, подобно саперу, не имею права на ошибку. Массимо, покряхтев, соглашается ждать неделю, что является по его словам совсем не свойственной ему жертвой. Мне предстоит за семь дней виртуального общения определить, стоит ли разносторонний итальянец того, чтобы ради него рискнуть моим нынешним благополучием и стабильным гражданским (как я не люблю это прилагательное) браком. Каждое мое утро теперь начинается с опережающего первую чашечку кофе водопада селфи Массимо. Два левых профиля, три правых, один анфас с улыбкой, два с поцелуем, и завершает это дефиле самолюбования душераздирающая композиция – на соседствующей с красивой головой итальянца подушкой листочек бумаги с моим именем. Впору разрыдаться от умиления. Будь я дремучей 17-летней девственницей непременно так и сделала бы. Фотографиями активная атака потомка Октавиана Августа не ограничивается. В ход идет тяжелая артиллерия в виде голосовых сообщений. Насмотревшись на нежащегося на бледно-зеленых простынях 37-летнего бездельника, я терпеливо прослушиваю его томный шепотот с намеренно подчеркнутым итальянским акцентом, который, видимо, призван придать речи эротические нотки. Смысловой нагрузкой эти звуковые куски неотяжелены и в основном исчерпываются одной настойчивой идеей – Массимо скучает и хочет меня видеть. Ну, и не только видеть.

Я воспринимаю поступающую информацию с цинизмом, подаренным мне возрастом и пережитым опытом. Но правды ради стоит все-таки признать, что это концентрированное мужское внимание мне приятно. Особенно в сравнении с приятельским панибратством Алана.

Кстати о последнем. Я решаю быть честной по отношению к этому совсем не чужому мне человеку и дать ему последний шанс вытянуть холодеющий трупик страсти из свежесвырытой могилки. В глубине души, я слагаю обращенную к Алану молитву – пожалуйста, очнись, заметь меня, полюби как раньше, с тем же неиссякаемым пылом, докажи мне, что я еще красива и нужна. Верни меня в наше светлое многообещающее прошлое, и я вмиг забуду Массимо. Скомкаю его красивые портреты и брошу в мусорную корзину. И никогда не вспомню, что однажды, когда ты на мгновение выпустил мою руку, я чуть было не подскользнулась и не угодила в темную безну соблазна.

Я отправляюсь в отдел белья Галлери Лафайетт, выбираю кокетливый кружевной комплект и, уединившись в примерочной, делаю пару игривых снимков. Отправляю картинку-приманку на оба номера. Теперь остается только ждать, какой поплавок дернется первым. Мое наивное сердце замирает. Мозг-всезнайка презрительно хмыкает. «Какая же ты красивая! У тебя потрясающее тело! Я не могу больше ждать встречи! Я схожу с ума!» Не глядя на комбинацию цифр, понятно, что это восторженное резюме исходит от Массимо. Алан молчит.

«Должно быть, у него важная встреча» лепечет сердце. «Уж точно поважнее, чем любоваться знакомым до родинки каркасом» брюзжит мозг. Ответ от моего официального мужчины все-таки приходит, поблуждав четыре часа в каких-то трехмерных дебрях. «М-м» гордо гласит он. Ясно, что выражать свои чувства и эмоции по средствам печатного слова умеют не все. Но так, чтобы вообще ни одного внятного этимона из 26 букв не набрать, это уже, товарищи, редкая форма наплевательства. Что значит, это коровье «м-м»? «М-м, я лишился дара речи от увиденного?» «М-м, красиво?» «М-м, уродливо?» «М-м, ты мне мешаешь?» «М-мамочки, какой ужас?» «М-мне неинтересны твои бледные тела?» «М-м, я сел на телефон, и моя попа набрала тебе это сообщение?» «What the fuck?» воскликнула бы Саманта из «Секса в Большом городе». А более сдержанная француженка попросила бы собеседника «Veux tu développer?» Я, не будучи ни одной, ни другой, не знаю, как отреагировать на это мычание. Хочется глупо по-бабьи разрыдаться, размазывая тушь по физиономии и тихонько похрюкивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.